Повседневность российского села[1]

Великий П.П. Повседневность российского села в начале XXI века. Саратов: Саратовский источник, 2020. — 307 с. ISBN: 978-5-6044120-7-7.

А.А. Куракин

Александр Александрович Куракин, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: chto-delat@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-3-173-177

К началу нового столетия российское село коренным образом изменилось по сравнению с позднесоветской колхозно-совхозной деревней, которая стала точкой отсчета для развития новой российской сельской социальной реальности. Вряд ли кто-то будет спорить, что село поменялось экономически, поскольку изменились ключевые, фундаментальные параметры экономической деятельности не только на селе, но и в стране в целом. Безусловно, следы советского наследия еще заметны в сельской жизни, ведь в истории редко что исчезает без следа за столь короткое время. Тем не менее с точки зрения политико-экономических категорий российское село поменялось радикально. В общих, абстрактных терминах эти изменения можно охарактеризовать как становление аграрного капитализма.

А как изменилась жизнь на селе? Что собой представляет сельская повседневность? Собственно, зарисовкам на эту тему и посвящена монография П. Великого. Автор дает в основном негативную оценку происходящему. Мы, в свою очередь, воздержимся от каких-либо оценочных суждений и остановимся на том знании и информации, которые предлагает читателю эта книга, основанная на первичных данных, собранных автором и его коллегами за годы полевых исследований (наблюдения, интервью, массовые опросы). По сути, это подведение промежуточных итогов наблюдений за по-

1. Публикация подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС. «Неформальная» экономика сельских домохозяйств: возможности и ограничения хозяйственных практик в повышении потенциала и общей привлекательности сельских территорий.

стреформенной российской деревней и обновление ранее опубликованной обобщающей монографии[2] за счет добавления глав, основанных на позднейших публикациях автора.

Прежде всего автор определяет понятие «повседневность». Он сопрягает его с понятием «жизненный мир» и материальными условиями существования человека. По сути, это структуралистский взгляд на социальную реальность, где положение человека в социальной структуре определяет его поведение, мышление, оценки, установки, смыслы. Центральной же категорией положения в социальной структуре выступают «каналы поступления ресурсов выживания и благополучия» (с. 31). Иными словами, это то, за счет чего человек добывает себе средства к существованию. Это отчасти отражено и в структуре книги, где отдельно показаны разные акторы современной российской деревни: наемные работники сельскохозяйственных предприятий, отходники, фермеры, охотники, пчеловоды, мигранты. Деревня представлена в виде калейдоскопа, в котором автор отдельно рассмотрел важные, с его точки зрения, части, каждая из которых обладает неповторимыми особенностями. Эти особенности выражаются в разной повседневности, в которой живут эти люди, разнообразных жизненных мирах, смыслах, оценках и устремлениях.

В постсоветское время существенно изменились природные факторы воспроизводства повседневной жизни села. Эти изменения затронули всех без исключения сельских жителей. Прежде всего это появление частной собственности и ее усиленной охраны от посторонних людей, в т. ч. работников сельскохозяйственных предприятий. Если в колхозно-совхозном плановом хозяйстве «все вокруг колхозное, все вокруг мое», то теперь ограничения по использованию природного пространства резко выросли. Автор также сетует на то, что ориентация на прибыль приводит к хищническому использованию природы. Частная собственность способствует отчуждению значительного числа сельских жителей от природных ресурсов. Возникает конкуренция за землю для сельскохозяйственного производства или за изменение статуса сельскохозяйственных земель под строительство. В качестве отдельной проблемы автор выделяет напряженность, вызываемую этнической миграцией в сельскую местность из плотно заселенных районов Северного Кавказа и Средней Азии. Помимо культурных различий роль здесь играет и характер ведения сельскохозяйственного производства (например, полеводство местных жителей и животноводство мигрантов).

Отдельная глава книги посвящена охоте и охотникам, как городским, так и сельским. Не секрет, что на многих обедневших сельских территориях сбор дикоросов, охота и рыбалка — важная часть

2. *Великий П.П.* (2012). Российское село. Процессы постсоветской трансформации / Под ред. Ю.С. Воронова. Саратов: Научная книга.

экономики домохозяйств. Сама же охота стала более хищнической, не в последнюю очередь благодаря возросшей конкуренции и технической оснащенности охотников. Автор замечает, что «вся масса простых охотников сосредоточилась на небольшой площади, что создало нагрузку, в десятки раз превышающую пределы самовоспроизводства дичи» (с. 70). «В результате устранения первичных обществ охотников как субъектов самоорганизации, присущей гражданскому обществу, с одной стороны, исчезло поле формирования (отбора достойных кандидатов, воспитания) культуры охоты, с другой, появился свободный коридор прохода в охотники любых лиц, обладающих охотничьим оружием», — резюмирует автор (с. 72).

Помимо природных изменялись и социокультурные факторы воспроизводства жизни села. Действительно, в XX веке российское село прошло через ряд радикальных изменений, технологических и институциональных, которые влияли и на смысловую картину сельских жителей. Однако автор отмечает нечто общее во всех этих периодах, а именно то, что он называет «подручностью места», под которым понимает доступность и удобство «размещения благ, которые имеются рядом, до которых «рукой подать» (лес, река или озеро, где есть дары природы, недалеко от дома школа, больница, место работы), и территориально-удаленные, но доступные» (с. 96).

По мнению автора, для традиционного дореволюционного и колхозно-совхозного и постсоветского крестьянства «центром выживания и благополучия на селе всегда являлось семейное хозяйство, хорошо обустроенное подворье» (с. 87). Поэтому автор критикует понятие «личное подсобное хозяйство», поскольку оно никогда не было подсобным, а, напротив, центральным элементом. Наемный труд никогда не был главным источником существования на селе, а скорее выступал как один из элементов семейного подворья. Именно семейное хозяйство является центром того, что автор называет структурой повседневной озабоченности, т. е. набором дел и проблем, которые человек решает изо дня в день. Поэтому «подручность места» является важным ресурсом для решения проблем в структуре повседневной озабоченности. Климат, природные ресурсы, инфраструктура, расстояния — вот некоторые элементы «подручности» поселения, которые перечисляет автор. «Внутрипоселенческая подручность также либо увеличивает, либо уменьшает озабоченность: расстояние до водозабора, школы, магазина, автобусной остановки, рельеф местности — все это корректирует повседневность всей семьи, каждого ее члена» (с. 89). Если это учитывать, то оценки социально-экономического благополучия с точки зрения формально-экономических показателей и самих сельских жителей могут не совпадать.

Само сельское сообщество, по мнению автора, в постсоветское время становится более раздробленным, теряются традиционные элементы солидарности. Отходничество, мигранты, распад больших трудовых коллективов разрушают цельность сельских сооб-

ществ. Автор призывает найти новые подходы к классификации сельских сообществ, т. к. считает, что такие традиционные признаки, как число жителей и удаленность от крупных городов, больше не определяют сельскую повседневность. П. Великий предлагает два критерия, на основании которых можно судить об устойчивости и потенциале сельского сообщества: функциональный (наличие и успешность хозяйственных организаций) и антропологический (доля молодого трудоспособного населения).

При анализе смыслов жизненного мира сельских жителей автор рассматривает прежде всего ориентацию сельских жителей оставаться в деревне или переезжать в город. Разумеется, были получены две полярные группы сельчан (те, кто хочет уехать, и те, кто хочет остаться), плюс промежуточная группа (компромиссная по терминологии автора), которая сочетает в своей жизни город и деревню (например, это те, кто живет в деревне, а работает в городе).

Отдельная глава посвящена сельской культуре. Помимо оскудения культурно-массовых мероприятий (закрытие кинозалов, упадка сельских клубов), произошли изменения и в общении сельских жителей друг с другом. Круги общения раздробились, так как исчезли большие трудовые коллективы, характерные для колхозов и совхозов. Обособились как безработные, так и, напротив, зажиточные сельские группы, отходники, фермеры. Упала роль сельской интеллигенции. С другой стороны, сглаживающую роль играет доступ к цифровым средствам коммуникации.

Что касается аграрной политики государства, то автор выделяет три фазы адаптации сельского населения к постсоветским реформам: ожидание, крах иллюзий и полагание на собственные силы и свое подворье. Данная периодизация вполне соответствует оценкам многих авторов в литературе по теме. Другое дело, что данные, на которых автор строит эти выводы, заканчиваются 2002 годом, так что эта глава книги носит историко-ретроспективный характер.

Социально-экономические изменения породили группу, которую автор называет «нетипичные крестьяне», т. е. те, кто вовлечен в редкие виды трудовой занятости (пчеловоды, заводчики редких животных, ремесленники художественных промыслов). Безусловно, все это было и в советское время, но теперь они существуют в совершенно иной социальной среде. Автор склонен говорить об этих людях как об особой социальной группе, которой присущи некоторые специфические черты, которые, собственно, и определяют их как группу. «Занятые в редких видах хозяйствования имеют иное соотношение в: исполнительных и организационных функциях; многообразии функций; степени самоорганизации в достижении целей; влиянии образования на результаты труда; социально-ролевых статусах в локальной общности; самооценке» (с. 178).

Другим порождением постсоветских реформ можно считать отходников, или, как характеризует их автор, «лишних людей совре-

менной деревни». При этом, заметим, что, как и занятость, редкими видами деятельности, отходничество исторически присуще российскому селу. Однако, по мнению автора, произошел своеобразный возврат к дореволюционным практикам. Группой с нетипичной сельской мобильностью автор называет пчеловодов и посвятил им отдельную главу книги, где представил их классификацию: «деятельностно-созерцательный, деятельностно-практический, инновационно-практический и рутинно-созерцательный» типы (с. 202).

В другой главе, на основе проведенных интервью с сельскими жителями одного села автор прослеживает динамику их повседневных забот и проблем, начиная с конца эпохи перестройки. Отдельная глава посвящена фактору этничности на селе.

Наконец, целый раздел книги занимает анализ ЛПХ (на данных анкетных опросов), особенно товарных, являющихся, по сути, фермерскими, только официально не зарегистрированными. Таких ЛПХ не много, но они производят основную долю продукции сельских подворий. Автор отмечает, что такие ЛПХ появляются и существуют относительно автономно, не получают поддержку от государства, не состоят в кооперативах, не спешат получать фермерский статус. Они занимают на рынке нишу производителей экологически чистой продукции.

Итак, книга П. Великого представляет собой калейдоскоп сельских жителей, которые в совокупности составляют сельскую повседневность, чем она и интересна будет читателю.

Daily routine of the Russian village

Book Review: Veliky P.P. (2020). Everyday Life of the Russian Village in the Early 21st Century. Saratov: Saratovsky istochnik, — 307 p. ISBN 978-5-6044120-7-7.

Alexander A. Kurakin, Senior Researcher at the Center for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 115571, Moscow, prospect Vernadskogo, 82. E-mail: chto-delat@yandex.ru